

Отзвуки далекаго прошлаго.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Я. П. Полонскому И. С. Тургеневъ преподаетъ рядъ правилъ житейской мудрости, почерпнутой имъ изъ опыта. Одно изъ нихъ гласитъ, что слѣдуетъ размышлять о прошедшемъ, удовлетворять требованіямъ настоящаго и никогда не думать о будущемъ. Трудно не согласиться съ первою и второю частью этого совѣта, но размышленіе о прошедшемъ личной или общественной жизни возможно лишь при ясной памяти о первой и при знакомствѣ со второю въ ея различныхъ проявленіяхъ. Этому послѣднему знакомству помогаютъ жить наши историческіе журналы и отдѣльные мемуары, такъ и труды, посвященные искусству въ его исторіи и отношеніи къ нему бытовыхъ явленій. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать выдающагося интереса за изданіями В. А. Верещагина въ видѣ различныхъ сборниковъ, въ числѣ которыхъ за послѣдніе годы приходится отмѣтить: „Памяти прошлаго“, „Московскій Аполлонъ“ и „Старый Львовъ“.

Труды В. А. Верещагина посвящены напомниманіямъ о нашемъ прошломъ, какъ въ отдѣльныхъ его мелочныхъ и повседневныхъ, но тѣмъ не менѣе типичныхъ, проявленіяхъ, такъ и о нѣкоторыхъ широкихъ чертахъ и картинахъ нашего историческаго прошлаго въ его характерныхъ личностяхъ и памятникахъ. Такія воспоминанія, когда они проникнуты живымъ чувствомъ красоты и художественнымъ пониманіемъ, особенно цѣнны именно въ наше время, которое не даромъ упрекаютъ въ забвеніи „вчерашняго дня“. Въ этомъ забвеніи не безъ основанія многіе видѣли одну изъ причинъ безсодержательности нашей жизни за послѣднія десятилѣтія и нашей нелюбви серьезно подумать о томъ „что день грядущій намъ готовитъ“. А между тѣмъ обстановка и условія нашего прошлаго, по богатству въ немъ „свѣтотѣни“, не только ин-

тересна, но и поучительна. Это прошлое представляло много трагичныхъ сторонъ, которымъ мѣсто не только въ обвинительномъ актѣ исторіи, но и въ дальнѣйшемъ ея приговорѣ и въ ея практическихъ предсказаніяхъ. Въ немъ были, однако, и свѣтлыя живительныя стороны. Забывать ни тѣ, ни другія не слѣдуетъ. Забвеніе первыхъ можетъ грозить ихъ повтореніемъ, лишь въ иной формѣ въ будущемъ; пренебрежительное отношеніе ко вторымъ было-бы несправедливостью. Не перечисляя отдѣльныхъ статей, входящихъ въ сборники Верещагина, и не передавая содержанія каждой изъ нихъ, надо прежде всего отмѣтить, что въ своей совокупности онѣ представляютъ въ общедоступной формѣ богатая бытовья и историческія характеристики—результатъ обширной и разносторонней начитанности автора, о которой свидѣлствуютъ богатая примѣчанія и его умѣнье рисовать свой предметъ съ правдивой яркостью. Рисуя намъ общественные нравы конца XVIII и начала XIX вѣка, авторъ предпосылаетъ этому краткую, но содержательную характеристику Александра I-го, соединявшаго въ себѣ, по словамъ Екатерины, нѣжно любившей своего внука, множество противоположностей. „Начало его царствованія—говоритъ Верещагинъ—ознаменовалось цѣлымъ рядомъ освободительныхъ реформъ. Руководясь идеальными воззрѣніями, Александръ задумалъ возстановить въ государствѣ „все то, что по сіе время противу добраго порядка вкоренилось“, выставляя при каждомъ случаѣ принципъ законности и подчиняя ему неограниченность собственной власти. Не успѣли блестящимъ метеоромъ пролетѣть эти первые свѣтлые дни, когда настало, по выраженію современника, „полное затменіе“. Вступая на путь преобразованій, Александръ, по свойственному ему обыкновенію, сейчасъ же одумывался и переходилъ къ неизбѣжнымъ колебаніямъ, приводившимъ его къ столь же неизбѣжной реакціи“.—Двуличность „новаго Агамемнона“ и „сфинкса, не разгаданнаго до гроба“ (кн. Вяземскій), приносившаго существенные интересы Россіи въ жертву своему завистливому честолюбію, плакавшаго объ участи черныхъ невольниковъ и ограничивавшагося платоническими мечтами объ улучшеніи у себя участи бѣлыхъ невольниковъ,—спрашивавшаго Меттерниха, какъ устроить въ Россіи оппозицію, но только безъ представительныхъ учрежденій,—находитъ себѣ правильную оцѣнку въ слѣдующихъ словахъ автора: „слабовольный государь былъ способенъ одновременно мечтать о конституціи и дрожать за самодер-

жавіе, думать объ отмѣнѣ крѣпостного права и вводить военныя поселенія, смѣнять смѣлыхъ реформаторовъ строгими блюстителями порядка, приближать Кочубея, Новосильцева, Строганова и Чарторижскаго и дружить съ грубымъ и тусклымъ Аракчеевымъ“. „Какимъ-то страннымъ, загадочнымъ образомъ“—говоритъ онъ далѣе—эта знаменитая двойственность Александра отразилась, какъ въ зеркалѣ, во всей современной ему жизни Россіи. Едва-ли, дѣйствительно, русскіе люди переживали когда-либо столько крайнихъ „противуположностей“ и „противочувствованій“ въ разнообразнѣйшихъ отрасляхъ ихъ общественной жизни, какъ въ Александровское время. Политическіе идеалы первыхъ дней царствованія Александра скоро стали признаваться несбыточной мечтой. Рядомъ съ гуманными законами на бумагѣ—продолжалъ царить безграничный произволъ богатаго и сильнаго; въ административныхъ учрежденіяхъ—вопіющія злоупотребленія; въ судѣ—поголовное взяточничество. Вмѣстѣ съ тѣмъ новыя вѣянія и новыя вліянія зарождаютъ понятіе о политической неблагонадежности. Сановный Державинъ возстаетъ противъ французскаго конституціоннаго духа, объясняя революцію „развращеніемъ философовъ“ и „излишней царской добротой“. Карамзинъ объявляетъ всякое нововведеніе непоправимымъ зломъ. Шишковъ находитъ самого Карамзина небезопаснымъ за произведенную имъ перемѣну литературнаго слога, въ которой онъ видитъ неблагонамѣренное направленіе. Свободный цензурный уставъ 1804 года не примѣняется, уступивъ въ послѣдствіи мѣсто „чугунному“ уставу Магницкаго, который сумѣлъ бы—говоритъ современникъ—и въ „Отче нашъ“ найти якобинство. Радищевъ, послѣ напоминанія Завадовскаго объ Илимскомъ острогѣ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Сперанскій отправляется въ ссылку.

Россія состояла въ то время изъ отдѣльныхъ сословій, не связанныхъ между собою никакими общими интересами. Умственная жизнь была сосредоточена въ дворянской средѣ, но лишь самая незначительная часть этой среды состояла изъ людей, дѣйствительно воспитанныхъ и получившихъ здравыя понятія объ обязанностяхъ гражданина и правахъ человѣка. Эти люди могли бы въ любомъ, современномъ имъ европейскомъ обществѣ занять почетное мѣсто и играть видную роль, но вращались они только между собой и не оказывали никакого вліянія на все, что находилось внѣ ихъ кружка. Остальная жизнь дворянской Россіи была „бичемъ варварскаго дес-

потизма". Это былъ пышный расцвѣтъ крѣпостного права, царство Аракчеевыхъ и Минкиныхъ, расцвѣтъ безграничнаго самодурства и своевольтва помѣщиковъ, разыгрывавшихъ владѣтельныхъ особъ. Однимъ изъ цвѣтковъ этого „расцвѣта“ является въ описаніи Верещагина жена владѣльца роскошнаго Саратовскаго имѣнія „Зубриловка“ княгиня Варвара Васильевна Голицына. Эта „Златовласая Плѣнира“ и „Улыбочка“, какъ ее звали современники, таскала за волосы своихъ пріятельницъ, сѣкла среди поля плетью засѣдателя за неисправность утомившей ее дороги и угрожала гостившему у нея Ф. Ф. Вигелю „разложить его и высѣчь“... Замашкамъ владѣтельныхъ особъ, заставлявшихъ наивныхъ иностранцевъ предполагать, что Россія раздѣляется на рядъ герцогствъ, помогали огромныя земельныя богатства и владѣніе массой „крещеной собственности“. Такъ на примѣръ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, „избравшій цѣлью жизни наслажденіе“, женился на княжнѣ Прозоровской, принесшей ему въ приданое 14 тысячъ душъ крестьянъ, имѣлъ въ помѣстьѣ своемъ „Зубриловкѣ“ 600 человекъ дворни и переѣзжалъ изъ Саратовской усадьбы въ Кіевскую въ сопровожденіи цѣлаго общества друзей и приживальщиковъ и оркестра изъ сорока музыкантовъ. „Окруженные многочисленнымъ штатомъ безсловесныхъ рабовъ, шутовъ и шутихъ, дураковъ и дурь, эти помѣщики-царьки были исключительно заняты „полеваниемъ“ (охотой), вакханаліями съ крѣпостными дѣвками и чисто животнымъ разгуломъ“—говоритъ авторъ. Къ этому присоединялась подчасъ нелѣпая подражательность. Пензенскій губернаторъ, князь Григорій Голицынъ, любя искренно жену и будучи ей всю жизнь вѣренъ, считалъ однако своимъ идеаломъ не болѣе, не менѣе, какъ Людовика XIV и завелъ себѣ, поэтому, дворъ мнимыхъ любовницъ, прозванныхъ имъ Монтеспанъ и Ла-Валльеръ, требуя отъ жены показной къ нимъ холодности. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, наука считалась дѣломъ не дворянскимъ, воспитаніе дѣтсей отдавалось въ руки французскимъ эмигрантамъ, вносившимъ въ семьи развратъ, презрѣніе ко всему русскому и стремленіе къ роскоши и мотовству. Но—по словамъ автора—привлекая французовъ и стараясь подражать имъ, баре Александровскаго времени заимствовали только внѣшній ихъ лоскъ, продолжая чуждаться интересовъ культуры, особенно отечественной. Они коверкали французскій языкъ, еле умѣя подписаться по-русски, наполняли библіотеки сочиненіями французскихъ энциклопедистовъ, которыхъ никогда не

читали, и въ доморощенной грязи и неряшествѣ вѣшали картины „тальянскія, на манеръ рыхвалеевой (Рафаэлевой) работы“. Это было время наружнаго великолѣпія при подавляющей внутренней нищетѣ и полномъ отсутствіи самаго элементарнаго образованія, духовныхъ интересовъ и твердыхъ нравственныхъ началъ. Этого поверхностнаго стремленія къ показной образованности и къ своеобразно понимаемой культурѣ не было въ средне-дворянскомъ и помѣщичьемъ сословіи. Тамъ все было откровеннѣе и проще. Вотъ какъ рисуетъ Верещагинъ домъ стараго Москвича, удалившагося отъ шумной полуевропейской жизни столицы: „большой дворъ заваленъ соромъ и дровами, позади огородъ съ овощами, а возлѣ дома подъѣздъ съ перилами. Въ прихожей толпа слугъ оборванныхъ, грубыхъ и полупьяныхъ, которые отъ нечего дѣлать съ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, по стѣнамъ картины домашняго маляра. Въ столовой накрытъ столъ, на которомъ стоятъ щи, каша, грибы и бутылка съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ; съ одной стороны сидитъ приходскій попъ, школьный учитель и шутъ, а съ другой толпа дѣтей, старуха ворожея, мадамъ и гувернеръ изъ нѣмцевъ“. Эти бытовые нравы проникнуты сословною отчужденностью, тщательно охраняемою. Описывая наряды первой четверти прошлаго вѣка, авторъ приводитъ отрывокъ изъ письма одной щеголихи, вынужденной заняться своихъ хозяйствомъ: „я принуждена была смотрѣть за курами и деревенскими бабами; разсуди, радость, сносно ли благородной дворянкѣ смотрѣть за этакой подлостью“.—Подобнымъ взглядамъ не мѣшала ничуть водворившаяся въ литературѣ сентиментальность со слащавыми описаніями нѣжныхъ „чувствованій“ людей другъ къ другу, къ пташкамъ и природѣ вообще. „Вѣстникъ Европы“ за 1802 годъ съ восхищеніемъ передаетъ, какъ трогательно назидательный случай, явку бѣдной дворянки въ крестьянскомъ платьѣ къ мѣстному губернатору съ просьбой принять въ училище двухъ ея дѣтей, при чемъ губернаторъ заплакалъ „отъ чувствительности“, а благородныя дѣти училища, окружившіе своихъ новыхъ товарищей и сначала смотрѣвшіе на нихъ дико, непременно захотѣли раздѣлить съ ними все, что имѣли, услышавъ, что они, подобно имъ, дворяне.

Повѣствуя въ своихъ статьяхъ о старыхъ усадьбахъ, о русской жизни въ отечественную войну, о женскихъ модахъ Александровскаго времени, объ исторіи вѣера и т. п., давая

рядъ цѣнныхъ по содержанію замѣтокъ объ искусствѣ и заключающаю свою книгу „Памяти прошлаго“ живыми путевыми набросками, авторъ сопровождаетъ все это многочисленными и отлично исполненными иллюстраціями, портретами и стильными виньетками. Среди этого разнообразнаго матерьяла встрѣчаются отдѣльныя указанія и цѣлыя страницы большого интереса, бросающія свѣтъ на ту или другую сторону нашей жизни. Таково на примѣръ въ статьяхъ о вѣрѣ указаніе на роскошь, водворившуюся при русскомъ дворѣ послѣ воцаренія Анны Іоанновны. „Золото и серебро заблестали на всѣхъ придворныхъ; для удовлетворенія страсти Бирона къ лошадямъ были заведены блестящіе придворные экипажи; балы и маскарады были обычными явленіями. Но всѣ эти торжества и увеселенія носили все тотъ же грубый характеръ, не смягченный ни воспитаніемъ, ни обычаями того времени,—грубый у всѣхъ, начиная отъ самой императрицы, съ ея собственноручными расправами, постояннымъ обществомъ шутовъ и „ледяными“ увеселеніями“. Какимъ-то, дѣйствительно, леденящимъ ужасомъ и мертвеннымъ холодомъ вѣетъ отъ всей этой пышной эпохи и не случайно, нужно думать, оба относящіеся къ ней вѣра облечены въ такія мрачныя, не соответственныя изящному вѣру, оправы: одинъ въ темную полированную сталь, а другой въ кованую мѣдь.—Такова, на примѣръ, въ статьѣ о женскихъ модахъ Александровскаго времени слѣдующая справка: „приблизительно съ 1806 года, въ ущербъ общей стилиности наряда исчезли легкія, полупрозрачныя ткани, утратилась ихъ благородная простота. Платья начали носить изъ болѣе плотныхъ матерій, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, и изъ бархата. Отказались также отъ однотоннаго бѣлаго цвѣта, замѣнивъ его разными другими цвѣтами, которые особенно къ двадцатымъ годамъ окрестили самыми странными невѣроятными названіями: упавшей въ обморокъ лягушки (*grenouille évanouie*); испуганной мыши (*souris effrayée*); влюбленной жабы (*crapaud amoureux*); мечтательной блохи (*puce rêveuse*) и даже паука, замышляющаго преступленіе (*araignée méditant un crime*)“. Таковъ, наконецъ, опытъ объясненія блеска царствованія Екатерины II особенностями ея государственной пронизательности, состоявшей не только въ знаніи людей, но и въ пониманіи и правильной оцѣнкѣ личностей, которымъ вручаются власть и вліяніе. Екатерина „Великій“, какъ называлъ ее блестящій остроуміемъ князь де-Линь, обладала цѣннѣйшимъ и рѣдчайшимъ у монарховъ даромъ „счастливой

руки". И, можетъ-быть, именно этой „рукѣ“ она обязана въ значительной степени величіемъ царства. Всѣ орлы ея стаи, всѣ эти сверкающіе алмазами сподвижники ея славныхъ дѣлъ были, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совершенно неподготовлены предыдущей своей дѣятельностью или скорѣе бездѣятельностью къ ожидавшимъ ихъ прославленнымъ подвигамъ, что нисколько не помѣшало имъ обезсмертить и себя, и царство, которому они служили. „Счастливая рука“ императрицы искупала эту неподготовленность, предугадывая чудодѣйственнымъ наитіемъ, и почти всегда безошибочно, способности и качества избираемыхъ ею сподвижниковъ. Этой изумительной удачливостью Екатерины и объясняется подавляющее при ней число „настоящихъ людей на настоящихъ мѣстахъ“. „C'est un maître—roi que cette Catherine“—писалъ впоследствии Бѣлосельскому по поводу помѣтки императрицы Мармонтель—*et c'est d'elle qu'on doit apprendre à connaître les hommes, à les employer et à les faire valoir. Sa façon de régner est simple, franche, naturelle; on voit qu'elle est née pour les grandes choses; un empire à gouverner ne lui pèse pas une once; elle lui donne le branle, comme une autre femme à son rouetelle manie un sceptre avec la même aisance, qu'Hercule maniait sa massue*“.

Выдающееся значеніе, въ виду пережитыхъ нами эпизодовъ войны и своихъ вѣчныхъ красотъ искусства, представляетъ „Старый Львовъ“ и сопровождающій его Альбомъ. Польская культура восприняла въ блестящихъ образцахъ всѣ послѣдовательные періоды развитія живописи, скульптуры и архитектуры въ западной Европѣ. Въ зданіяхъ ея городовъ, въ ея церквахъ нашли себѣ отраженіе и позднѣйшая готика, и стиль возрожденія, и барокко и холодный классицизмъ первой Имперіи;—въ ея художественныхъ частныхъ и общественныхъ хранилищахъ собраны замѣчательныя произведенія кисти. Все это, какъ въ микрокозмѣ, собралось и въ Львовѣ и подало Верещагину поводъ дать цѣлую книгу, снабженную (вмѣстѣ съ Альбомомъ) 115 превосходно исполненными иллюстраціями. Книга полна данныхъ, цѣнныхъ и для любителя искусства и для интересующагося прошлымъ столь близкаго къ намъ края. Послѣднему посвящается „Очеркъ исторіи Галицкой Руси“ и „Очеркъ исторіи Львова“. Относясь со скорбью къ тѣмъ вліяніямъ и давленіямъ, которымъ подвергается съ разныхъ сторонъ коренное русское населеніе старой „Червонной Руси“, авторъ заканчиваетъ свой трудъ слѣдующими примирительными аккордами: „Судьбы народовъ

слагаются изъ совокупности внѣшнихъ условій, многообразныхъ и измѣнчивыхъ, среди которыхъ имъ приходится дѣйствовать, изъ ряда счастливыхъ и неудачныхъ сочетаній. Въ сочетаніяхъ и условіяхъ, вызвавшихъ многовѣковую борьбу двухъ славянскихъ народовъ, на которую были такъ безумно растрачены ихъ матерьяльныя и духовныя силы, наступаетъ великій переломъ. Мѣняются символы политическаго мышленія, озаряя отвлеченную мысль лучемъ проникновеннаго чувства; смолкаютъ соціальныя розни передъ національной опасностью; на кровавую страду шлетъ истерзанная Польша своихъ доблестныхъ витязей. Въ этой алой крови, ими самоотверженно пролитой, подъ стягомъ Россіи на старой польской землѣ, таится незримо свѣтъ грядущаго мира, братство сердца и разума, который долженъ затмить наше вѣковое „нелюбие“... Вечеромъ, бродя по улицамъ города, я зашелъ въ древній костелъ. Въ полумракѣ мечтательныхъ тѣней еле обрисовывались согбенныя фигуры молящихся; одинъ только ксендзь, произносившій вдали задушевную проповѣдь, блисталъ особенно ярко въ своей серебряной ризѣ, залитой свѣтомъ престола. Онъ говорилъ о братской любви и терпимости. „Богъ одинъ“—повторялъ онъ въ своемъ страстномъ призывѣ—„у поляковъ и у русскихъ“. Свѣтлое знаменіе времени! Одинъ Богъ и... одна, можетъ быть, родина, связанная единою любовью“.

Внѣ нашей старины стоятъ „Путевые наброски“—результатъ наблюдательности автора въ Испаніи, Франціи, Бельгій, въ Индіи и на Кавказѣ. Какъ образецъ содержанія многихъ страницъ этихъ набросковъ можно указать на описаніе службы въ Севильскомъ соборѣ, не уступающее нѣкоторымъ очеркамъ Амичиса въ его „La Spagna“. „Соборъ былъ слабо освѣщенъ, но этотъ слабый мерцающій свѣтъ придавалъ его колоссальнымъ размѣрамъ еще болѣе грандіозный видъ. Все громадно, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящно, благородно; никакихъ излишнихъ украшеній; ни позолоты, ни бронзы, ни мрамора, ни всего мишурнаго богатства католическихъ церквей. Взоръ теряется въ безконечной перспективѣ громадныхъ колоннъ изъ сѣраго камня, поддерживающихъ высокіе готическіе своды. Чѣмъ-то мистическимъ отзывается ихъ классическая красота; какъ-то невольно чувствуешь себя подавленнымъ, точно не мѣсто здѣсь мелкимъ людямъ, точно созданъ этотъ громадный храмъ для какихъ-то людей—гигантовъ. Служба еще не начиналась. Но вотъ бьютъ часы, раздается аккордъ, а за нимъ еле слышно,

откуда-то сверху—тихая мелодія. Вся эта обстановка, эти чудные звуки переносят невольно въ какой-то заоблачный міръ: то они, постепенно усиливаясь и переходя въ могучіе аккорды, будто грозятъ муками ада тысячамъ собравшихся грѣшниковъ, то опять они замираютъ и, превращаясь снова въ пѣвучую мелодію, напоминаютъ людямъ о вѣчной любви и прощеніи. Высокій теноръ поетъ *misereere*. Его самого не видно, одинъ голосъ мягкій, симпатичный, льется по необъятнымъ сводамъ храма. Всѣ слушаютъ. Не шелохнется тысячная толпа, отходятъ отъ нея помыслы земные. Не смотрятъ альмавивы на колѣнопреклоненныхъ красавицъ, не смотрятъ и на нихъ красавицы: наклонились онѣ къ холодному полу и, скрестивъ руки съ молитвой, задумались... А голосъ раздается все вкрадчивѣе, все задушевнѣе: „crede“ поетъ онъ—„crede!“.. Такъ, казалось, и простоялъ бы въ этомъ колоссальномъ храмѣ цѣлую вѣчность, слушая и наслаждаясь чудными звуками“.

Излишне говорить, что по всѣмъ тремъ книгамъ разсыпано множество серьезныхъ замѣчаній, любопытныхъ черточекъ о личности разныхъ извѣстныхъ въ области изысканій автора—людей,—интересныхъ цитатъ и афоризмовъ и краткихъ, но мѣткихъ опредѣленій. Въ „Московскомъ Аполлонѣ“ кромѣ того приведены автографическіе снимки съ записочекъ и писемъ Екатерины II, Бомарше, Бернарденъ де Сенъ Пьера и Вольтера—и къ нему приложены тексты очень интересныхъ писемъ Гретри, Мармонтеля, Лагарпа, Тибо, Кабаниса, Ланжерона и др. и между ними письмо Екатерины II къ племяннику курфюрсту Саксонскому, въ которомъ она, отзывая своего посланника Бѣлосельскаго, увѣряетъ своего „дружелюбно любезнаго“ племянника во всегдашнемъ благоволеніи его „дружелюбно охотной тетки“ и готовности къ оказанію ему „пріятныхъ охотностей“. По отношенію къ письмамъ и дневникамъ, помещеннымъ въ „Аполлонѣ“ и въ „Памяти прошлаго“, В. А. очень вѣрно замѣчаетъ, что старыя письма имѣютъ свое особое обаяніе. Въ ихъ выцвѣтшихъ строкахъ, набросанныхъ часто небрежной, часто проговаривающеюся рукой, искрятся, то вспыхивая, то потухая, золотистые блески искренней мысли, всегда угасающей въ придуманной были самолюбующихся дневниковъ. Въ письмахъ эта обдуманность рѣже и оттого она обыкновенно правдивѣе. Въ нихъ прозрачнѣе та маска, которую надѣваетъ на себя человѣкъ. Въ нихъ жизнь выявляется ярче и выпуклѣе.

Каждое изъ упомянутыхъ изданій В. А. Верещагина свидѣтельствуесть объ обширномъ усидчивомъ и кропотливомъ трудѣ автора, давшемъ ему возможность изъ анализа многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ вывести синтезъ ряда общественныхъ и бытовыхъ явленій. Очеркъ литературной дѣятельности его былъ бы, однако, не полонъ, если бы не упомянуть о ранѣе появившемся роскошномъ по художественному содержанію и богатомъ біографическими подробностями и цѣнными примѣчаніями,—изданіи подъ общимъ заглавіемъ „Карриатура“ въ трехъ томахъ („В. Ф. Тиммъ“, „Отечественная война — Тербеневъ, Венеціановъ, Ивановъ“ и „А. О. Орловскій“), въ которыхъ съ особой тщательностью всесторонне и впервые изслѣдована эта особенная область творчества, отражающаго въ себѣ шутливо-ироническое, а иногда и негодующее отношеніе общества и его талантливыхъ представителей въ области искусства—къ окружающей жизни и ея событіямъ.

1916 г.

Сообщилъ **А. Ѳ. Кони.**